

РУССКИЙ СОЛОВЕЙ

КОГДА Трепов в 1905 году обратился к войскам со знаменитым приказом о расстреле восставших рабочих: «Патронов не жалеть», — в одном из тогдашних журналов, который назывался «Сигнал», первые две буквы приказа были чуть-чуть затושеваны и получились: «Тронов не жалеть!».

Это создало журналу популярность в демократических массах, тем более, что он весь был направлен против Николая II и его ненавистных министров. Журнал очень скоро закрыли, редактора посадили в тюрьму, по следовательно по особым важным делам Цезарь Иванович Обух-Вощатынский так и не узнал одной тайны, которая была связана с этим журналом: «Сигнал» издавался в значительной мере на средства знаменитого певца Леонида Витальевича Собинова.

Мне известно это доподлинно, так как редактором «Сигнала» был я.

Леонида Витальевича я встретил впервые в 1905 году у Жени Штамбер, известной пианистки, в ее просторной петербургской мансарде, где постоянно толпились всякий артистический люд. Собинов был в офицерском кителе с университетским знаком. Он только что вернулся со спектакля. У него был нежный, молочно-розовый цвет молодого лица и необыкновенное изящное благородное очертание маленьких губ. Он стоял у стены равнодушный и, как мне сначала показалось, надменный. Но когда расположившаяся в далеком углу на ковре шумная компания кавказских студентов грянула какую-то мне не известную песню, он заулыбался, закивал головой и как-то по-студенчески, просто и молодо уселся на том же ковре в самой гуще этого нескладного хора и запел песню вместе с ними, и было видно, что для него это дело привычное, что здесь он — в своей среде — не только кумир, но и собрат молодежи.

Песня была революционная. Студенты в ту пору, в 1905 году, не пели других. И потом, когда тут же на ковре начался разговор на революционные темы (а других разговоров в том году не бывало), Собинов вполголоса (тут же на ковре) продекламировал такие хлесткие и озорные стихи, шельмовавшие Трепова, Победоносцева, Витте, что один горбатый студент с восточными, очень черными огневыми глазами, сидевший рядом с ним на ковре, порывисто обнял его и звучно поцеловал прямо в губы. Это вышло естественно, как будто иначе и быть не могло, и отлично выразило те чувства любви, которые переполняли присутствующих. Лишь гораздо позднее, четверть века спустя, я случайно узнал от Леонида Витальевича, что автором тех революционных стихов, которые он декламировал тогда перед нами, был он сам.

Его будущему биографу будет также небезынтересно узнать, как много и охотно он жертвовал петербургскому обществу помощи политзаключенным. Татьяна Александровна Богданович, друг Короленко, писательница, член этого подпольного общества, регулярно отправлявшаяся к Леониду Витальевичу за очередными субсидиями, всегда возвращалась от него очарованная его щедростью.

Его щедрость и вправду была беспримерной. Киевской школе слепых он прислал однажды в подарок рояль — как другие присылают цветы или коробку конфет. Кассе взаимопомощи московских студентов он дал своими концертами 45.000 рублей. И это была едва ли десятая доля того, что он роздал за свою жизнь нуждающимся. В одном лишь 1902 году он дал около пятидесяти концертов в пользу студентов. Леонид Витальевич из года в год помогал неимущим студентам. Благодаря ему могли закончить образование профессор бактериологии Маринковский, психиатр Павлов-Сильванский, хирург Венгловский, профессор математики Бутягин, писатель Леонид Андреев, химик Александр Николаевич Несмеянов и другие выдающиеся русские люди.

И это гармонировало со всей его творческой личностью. Он не был бы великим артистом, давшим столько счастья любому из нас, если бы ему не было свойственно такое благожелательство к людям. Стиль его искусства был так благороден, потому что был благороден он сам. Никакими ухищрениями артистической техники не мог бы он выработать в себе такого обаятельно-задушевного голоса, если бы этой задушевности не было у него самого. В созданного им Ленского верили, потому что он и сам был такой: беспечный, любящий, простодушный, доверчивый. Оттого-то стилисто ему появиться на сцене произносили первую музыкальную фразу, как зрители тотчас же влюблялись в

него, не только в его игру, в его голос, но главным образом в него самого.

Конечно, нельзя объяснить его колоссальный успех одним обаянием творческой личности. Была и другая причина — страстное трудолюбие, трудолюбие. Готовя какую-нибудь роль, он буквально выключал себя из жизни и работал по десять, по двенадцать часов, доводя себя до крайней усталости. Он вообще ничего не делал кое-как, вполсилы.

Когда он был приглашен на гастроль в украинскую оперу, он — коренной ярославец — уже почти стариком стал учиться говорить и читать по-украински, пригласил к себе учителем литератора Павла Опанасенка, штудировал украинскую грамматику, синтаксис и в конце концов овладел этим языком в совершенстве.

Помню его школьные тетрадки, куда он старательно вписывал столбиками спряжения украинских глаголов: «я бачу, ты бачиш, він бачить, ми бачемо, вони бачуть». И тут же пример, написанный каллиграфическим почерком: «Бачили очі що купували, І жте хоч вылазте».

Он не расставался в ту пору со стихами Шевченко, изучая их с упорством прилежного школьника. И так восхищался музыкальностью шевченковской речи:

Рано вранці новобранці
Виходили за село,
А за ними молодими,
І дівча одно пішло.

Его высокая культурность проявлялась во всем его облике. Он чудесно знал литературу, особенно стихи. И сам сочинял их во множестве. Требовательный к себе, он смотрел на свои стихи как на дилетантскую прихоть, и не придавал им никакого значения. Между тем среди его стихов было немало таких, которые обнаруживали и вкус, и мастерство, и понимание поэтической формы.

Как человек многосторонней культуры, он и в своих писательских попытках был мастером. Как-то, встретившись с ним на сестрорецком курорте, в электрокабинете одного санатория, я почему-то завел разговор о Некрасове и его дактилических рифмах, о которых выразился, что они гораздо труднее других.

— Русский язык так богат, — сказал Собинов, — что не только дактилические, но и гипердактилические рифмы* не представляют для русского человека никаких затруднений.

И в доказательство привел свой экспромт:

Ждали от Собинова
Пенья соловьиного,
Услыхали Собинова,
Ничего обособного.

Экспромт одновременно свидетельствовал и о совершенстве его поэтической техники, и о его поразительной скромности.

Почему-то свои письма ко мне он почти всегда писал стихами, и какие это были прелестные, непринужденные письма!

Конечно, это письма неприязнательного, камерного, домашнего стиля, и не они характеризуют эпистолярное наследие Собинова. Наследие его огромно, и никак невозможно понять, почему до настоящего времени оно не стало достоянием общественности. Даже в тех немногих его письмах к писателям, артистам, друзьям, с которыми мне случайно привелось познакомиться, содержится столько замечательных мыслей об искусстве, о литературе, о политической жизни страны, в них так полно раскрывается личность их даровитого автора, что держать их под спудом грешно.

* То есть такие рифмованные слова, в которых ударения стоят на четвертом слове от конца.

Известия
г. Москва
В. Марья 1962.